

Галятовский И. Ключ разумения. – К. : Тип. Киево-Печерской лавры, 1659. 253 л.

Гардзанини М. Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa / Гардзанини М. // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 2008. – Т. 58. С. 28–40.

Домострой. По рукописям Императорской публичной библиотеки / В. Яковлев. – СПб: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1867. // Викитека. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikisource.org/> (дата обращения: 6.04.2022).

Златоуст И. Беседы на деяния Святых Апостол. Отдел рукописей РГБ / Ф. МК РГБ Старопечатные книги Троице-Сергиевой Лавры. Киев, 1624.

История проповедничества Русской Православной Церкви. Учебное пособие для студентов 4 курса, составленное протоиереем А. Ветелевым, дополненное и переработанное преподавателем М. Е. Козловым, Сергиев Посад: Изд-во Московской Духовной Академии, 2006. [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/propovedi/istoriya-propovednichestva-na-rusi-chast-ii.shtml> (Дата обращения 4.04.2022).

Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. Ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин; Ред. М. М. Сокольская; Предисл. В. В. Калугина. М. : Знак, 2003.

Преображенская А. А. «Зверонравные люди»: нравоучительные exempla в проповедях Симеона Полоцкого // Jezikoslovni Zapiski. 2018. Т. 2. С. 161–178.

«Статир». РГБ. Собр. Румянцева, № 411. Рукописный сборник проповедей XVII в. (последняя четверть).

Феодосий, Епископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика. Теория церковной проповеди. Сергиев Посад : Московская духовная академия, 1999.

Kalinina A. D. Author's work with sources in pre-Petrine sermons

Abstract. The article examines the use by the preacher of the XVII century of quotations from patristic works and Holy Scripture in words against drunkenness from the manuscript collection "Statir". The functions of the intertext are revealed – the designation of the topic, examples, and the enhancement of expressiveness. Citation techniques are analyzed. The author's attitude to the text of sources, their preservation and interpretation is considered

Keywords: sermon, moral image, priesthood, «Statir», intertext

А. Д. Корелина

(*научн. руководитель Л. С. Соболева*)

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

Зрение и слепота в творчестве Симеона Полоцкого

Аннотация. Мотивы зрения и слепоты разрабатываются на протяжении всего существования христианской литературы. Разнообразие возможностей метафорической репрезентации мотива позволяет авторам проповедей обратить внимание на те проблемы и идеи, которые актуальны для их эпох. Симеон Полоцкий, опираясь на Библейскую традицию осмысления слепоты, на творения Святых отцов и европейских богословов, вносит смыслы, важные для Нового времени. Это и решение антропологических проблем, и просветительские идеи, и внимание к земной жизни человека, к социально-бытовым ее аспектам.

Ключевые слова: зрение и слепота, Симеон Полоцкий, поэзия барокко, проповедь, 17 в.

Симеон Полоцкий – церковный автор третьей четверти XVII в., литературное наследие которого, несмотря на признание, имеет в настоящий момент недостаточное научное освещение. Полоцкий был чрезвычайно плодовитым автором. его перу принадлежат объемные сочинения: два сборника проповедей – «Вечеря душевная» (М., 1683) и «Обед душевный» (М., 1681), а также два стихотворных сборника – «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион».

С творчеством Полоцкого в Россию пришло направление барокко. М.С. Киселева считает, что барокко как культурная эпоха стало для России тем, чем для Европы был Ренессанс: преобразования, которые барокко принесло во все сферы культурной жизни страны, позволили России войти в Новое время. Исследовательница пишет: «Существенно, что все эти изменения подразумевали обращение к отдельному индивиду, человеку, проживающему свою жизнь в этом сложном Богом созданном мире» [Киселева 2011: 221]. В творчестве Симеона Полоцкого барочное внимание к личности человека проявилось, с одной стороны, в стремлении к философскому и богословскому осмыслению антропологических проблем, с другой стороны, в постоянном обращении к реальной, земной жизни человека, к социально-бытовым проблемам. Обращение к мотивам слепоты и прозрения позволяет автору раскрыть оба этих аспекта – быть может, именно поэтому данные мотивы, вообще распространенные в христианской литературе, занимают в творчестве Полоцкого особое место.

Уже среди ранних стихотворений автора на польском языке появляется вирша «Пять чувств суть следующие». Первым в списке описанных Полоцким чувств оказывается зрение, и это неслучайно: богословы традиционно ставят глаза на первое, главное место среди других органов чувств. Иоанн Златоуст пишет: «Таким образом, глаз служит светильником не только для тела, но еще больше, чем для тела, для души. Потому-то он и помещен как бы на некотором царском месте – вверху, и председательствует над другими чувствами». [Златоуст (Беседы на Ин.,56): URL]. Пространное отступление в предложенном Златоустом толковании притчи о слепорожденном посвящено значению глаза для души и тела, ведь через глаза, как пишет толкователь, «мы познали Бога» [Там же]. Симеон Полоцкий обращает внимание скорее на зрение как на физическую способность, удивление дивным устройством человеческого тела передается через противопоставление: «Малое око- всех вещей образы вмещает» [Полоцкий 1990: 118]. Аллегорическим воплощением зрения становится орел: «Орел – солнце, человек проницательный и стены взором пронзает» [Там же].

На протяжении веков в европейском искусстве существовала традиция аллегорического изображения органов чувств: в разные эпохи художники изображали их в виде зверей, человеческих занятий, юных дев, влюбленных пар, предметов натюрморта (Подробнее см. [Нестеров 2017]). Можно предположить, что художниками, выбиравшими такой сюжет, руководило стремление дать полную характеристика телесной ипостаси человека. В Средние века зооморфная традиция преобладала. Набор животных мог разниться, но принцип был общий: для обозначения чувства выбиралась такое животное, которое превосходит человека в развитости этого самого чувства. Аллегорией осязания становились то паук, то черепаха, аллегорией зрения – петух, рысь или орел и т.д. [Нестеров 2017: 10] Часто авторам было недостаточно изображения пяти чувств, они также напоминали о том, что природа человека духовно-телесна, что мы, в отличие от животных, обладаем разумом. В «Библии нищих», созданной на границе XIV и XV вв., из коллекции Апостольской библиотеки Ватикана мы видим иллюстрацию, на которой наставник обучает юных отроков, по кругу в медальонах даны зооморфные изображения пяти чувств, они в свою очередь вписаны в большой круг, состоящий из семи медальонов, обозначающих семь возрастов человека. Искусствовед А. В. Нестеров толкует данную иллюстрацию следующим образом: «Мир раскрывается человеку через чувства, но они в равной мере могут толкать его как к добру, так и ко злу, на протяжении всей жизни мы должны контролировать и направлять их с помощью наставника – разума» [Нестеров

2017: 11]. Трудно сказать, как с этим характерным для европейского искусства bestiарием познакомился Полоцкий: в богословской традиции обычно используются иные образы для обозначения чувств (например, Макарий Египетский и Мефодий Патарский пишут о десяти девах, пять из которых – разумные (чувства, использованные во спасение), пять – неразумные (те же чувства, ставшие причиной греха) [Зенько 2007: URL]), однако средневековая символичность и барочная аллегоричность в стихотворении Полоцкого прочнорослись.

В «Вертограде многоцветном», своеобразной поэтической энциклопедии, или, как писал И. П. Еремин, в «стихотворном музее Симеона Полоцкого» [Еремин 1948: 125], где есть вирши на самые разные темы, мы находим стихотворение «Зрение». В данной вирше речь идет уже не физической, а духовной способности человека, то есть зрение осмысливается метафорически.

Стихотворение начинается четверостишием:

«Добро есть свою совесть, не чуждую, знати,
свою душу от грехов, не иных, чищати.
Бервно из очесе си да ся изимает,
сучец в чуждем очеси зрим да не бывает».

Автор напоминает нам о словах Христа, произнесенных в Нагорной проповеди: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?» (Матф.7:3). Слепота здесь – не исходная, присущая человеку неспособность к зрительному восприятию, она вызвана инородной преградой. Этой преградой становится грех осуждения – он словно бы заслоняет от человека его собственные грехи, делая невозможным путь к спасению через покаяние.

Постепенно поэт отходит от Евангельского текста, он показывает, как же научиться концентрироваться на своих грехах и на своем спасении. В то же время Полоцкий расширяет пространствостихотворения, указывая новые направления для взгляда духовных очей человека. Перед нами предстает объемная картина мира, христианская, трехуровневая система мироздания. В этой системе есть земной мир, в котором живет человек. Жизнь человека представлена как трудная дорога: позади человека грехи, впереди – искушения: «Зри о нем, и вспят тебе да грехи узриши// и за ня сердечныя слезы да точиши. // Смотри и пред тобою, дабы ти не власти// в неисходную яму вечныя пропасти». В этой же координатной плоскости, в стороне от дороги находятся и другие люди, грешники. Симеон предлагает обратить внимание и на них, но не для осуждения, как уже было сказано в начале, а для получения жизненного урока: «Виждь на шуйце: злых казни и злобы хранися, // дабы в их не прийти жребий, соблюдися» [Полоцкий 1990: 364].

Кроме земного мира, есть мир горний, Рай, а также Ад. Они показаны не как отдельно существующие миры, а как места возможного будущего пребывания человека. Обращение взгляда к этим реалиям, память смертная – должны, по мнению Симеона Полоцкого, указать человеку жизненный вектор, помочь пройти дорогу жизни: «...да зрит убо на небо и да созерцает, кую мзду зрящим себе Бог уготовляет. Да зрит и во геену вся муки познати, в ня же презревших себе имать бы сказати» [Там же].

Здесь находит развитие мысль, которая была намечена в первом приведенном нами стихотворении: духовное око человека способно охватить весь мир. Именно эта способность к всеобъемлющему зрительному восприятию в концепции Полоцкого отличает праведника.

В «Вертограде многоцветном» мы находим еще одно стихотворение, в котором развиваются мотивы зрения и слепоты – «Грехи ума». Здесь Симеон Полоцкий опирается на мысли Феофана Затворника, который тоже толкует слова из Нагорной проповеди «Светильник для тела есть око» (Лк.11:31). Богослов пишет: «...а светильник душе ум. Как при неповрежденности ока телесного все вокруг нас во внешнем быту

нашем видно для нас и мы знаем, как и куда идти и что делать, так при здравости ума видно бывает для нас все во внутреннем быту нашем, в нашем отношении к Богу и ближним и в том, как должно нам держать самих себя» [Феофан Затворник: URL]

О том же говорит Полоцкий:

«Светильник тела – око, то бо просвещает,

вся уды, к делесем их благо управляет.

Души же светильник – ум, ибо тем правится

всякое дело ея и чинно творится.

А яко плоти око иногда мрачится,

егда болезнь или вред некий прилучится;

такое не кроме мрака и ум может быти,

понеже многа могут онаго вредити» [Полоцкий 1990: 351].

Однако систематический, аналитический ум Симеона Полоцкого не удовлетворяется этой мыслью, и автор приводит типологию грехов ума. Снова значительная часть вирши посвящена осуждению, но здесь автор уже не объясняет, почему осуждение («скоросудие») – ослепляющий грех, а развивает свою мысль и показывает всю совокупность последствий, которые влечет за собой осуждение: здесь и нарушение отношений с Богом, и с людьми, и вред для самого осуждающего человека.

Кроме этого, к грехам ума Полоцкий относит невежество. Эта мысль довольно оригинальна для христианского богословия. В Евангелии есть эпизоды исцеления Христом слепых, и все толкователи (Златоуст, Феофилакт, Двоеслов (см. [Корелина 2021]) единодушно говорят о том, что именно вера слепцов – свидетельство их духовного прозрения. Неверие фарисеев неизбежно связывается со слепотой. Полоцкий же показывает, что веры самой по себе еще недостаточно, что вера без достаточных знаний, без рассуждения – это тоже слепота. Продолжение этой мысли мы видим в размышлениях Симеона Полоцкого о вероотступничестве, расколе.

Автор осуждает не только невежество, но «излишнее мудрствование» которое уводит человека от Бога:

«Грех и мудрование плоти, елма тая

взыскуем, яже токмо телу угожда.

Тоже лщенми многими и хитростми деем,

а на божественная ума не имеем.

Грех есть и оплазивость, егда тщимся знати,

яже ни малы ползы могут нам подати.

Или неприличных нам вежества желаем,

или со пристрастием лишним взыскиваем

Или в конец суетный, ли чрез средства злая,

или в намерения Богу противная.

Вся сия словом о нем Павел заключает:

“не мудритесь паче, неже подобает!”» [Полоцкий 1990: 351].

Здесь перед нами вольное истолкование слов апостола Павла о тщете “плотской” мудрости: “Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное” (1 Коринфянам, 1: 27).

Разделение грехов человека на грехи ума и грехи сердца довольно классическое, как пишет прот. Владислав Свешников в «Очерках христианской этики» [Свешников 2011: URL]. Однако интересно, что именно грехи ума, несовершенство разума Полоцкий связывает со слепотой – мы видим, как в творчестве автора 17 в. проявляется идея связи зрения и знания, которая в 18 веке будет лежать в основе образности литературы эпохи Просвещения.

Мотив слепоты частотен и в проповедях Симеона Полоцкого. Это обусловлено в том числе самим годовым кругом богослужения. Церковном календаре есть недели,

посвященные чудесам исцеления Христом слепых: это Неделя о слепорожденном (6 неделя по Пасхе), а также недели посвященные иерихонским слепцам (7 и 31 недели по Пятидесятнице). В храме в эти дни читают соответствующие евангельские эпизоды, и священник соотносит гомилии с прочитанным на литургии фрагментом Писания. У Симеона Полоцкого таких проповедей пять.

Дидактический, обличительный характер проповеди как жанра заставляет проповедника сместить фокус с «ортодоксии» (формирования правильного мышления) на «ортопраксию» (презентацию модели правильного поведения), и потому во всех этих пяти проповедях слепота становится метафорой греховной страсти: и это уже не только «грехи ума». В Слове 2 в неделю 6 по Пасхе. (Л. 87–93) из сборника «Обед душевный» Полоцкий называет слепотой сребролюбие, блуд, гневливость, пьянство, ненависть к ближнему и зависть, – все эти грехи автор ставит в один ряд, в каждой страсти видя проявление слепоты: «Напоследокъ, всякъ страснем работайъ грѣшникъ, слѣпецъ есть, ибо внегда страсти того одолѣютъ, весма умъ помрачаютъ»¹. Зависть вновь оказывается в данном списке, потому что она, по мнению автора, мешает видеть добродетели других людей: «Слѣпцы суть завистницы, ибо не могутъ зрѣти на свѣтъ чюждихъ добродѣтелей и снѣдаются срдцемъ о благополучии чюждемъ»

Текст Евангелия в данном случае – толчок не для богословских размышлений, Полоцкий не разъясняет догматы церкви, как это делали проповедники и экзегеты прошлых веков, он переходит от метафорической сути к историческо-бытовому воплощению. Все описанные проповедником грехи – ежедневные, бытовые прегрешения обыкновенных людей. В своих проповедях в недели о слепых автор показывает, как значимо может быть земное бытие человека.

Мотив слепоты разрабатывается на протяжении всего существования христианской литературы, вероятно, разнообразия возможностей метафорической репрезентации мотива позволяет авторам проповедей обратить внимание на те проблемы и идеи, которые актуальны для их эпох.

Так Симеон Полоцкий, опираясь на Библейскую традицию осмысления слепоты, на творения Святых отцов, европейских богословов, вносит смыслы, важные для Нового времени. Это и решение антропологических проблем, и просветительские идеи, и внимание к земной жизни человека, к социально-бытовым ее аспектам.

Литература

Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. М. – 1948. – Т. 6. С. 125–153.

Зенько Ю. М. Основы христианской антропологии и психологии. – СПб.: Речь, 2007. 912 с. [Электронный ресурс] URL: https://www.xpa-spb.ru/slov/2-12.html#_Toc234491270 (Дата обращения: 12.04.2022).

Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие святого Апостола Иоанна Богослова. Беседа 56. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/besedy-na-evangelie-ot-ioanna/56 (Дата обращения: 26.11.2020).

Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 472 с.

Корелина А. Д. Евангельские притчи об исцелении слепоты: символическое толкование свт. Иоанна Златоуста / А. Д. Корелина // Litteraterra: Материалы IX Международной конференции молодых ученых, Екатеринбург, 04 декабря 2020 года. Екатеринбург, 2021. С. 159–165.

---

¹Проповедь цитируется по источнику: Собрание Румянцева № 4113. Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. 711 л.

Нестеров А. Аллегория Пяти чувств в изобразительном искусстве XIII–XVII вв. : эволюция от сюжета к мотиву // Бестиарий и чувства: сб. статей / сост. А. Л. Львова, О. Л. Довгий. М. : Intrada, 2017. С. 9–51.

Свешников В. Очерки христианской этики : Учеб. пособие – 2. изд., испр. и доп. М. : Паломник, 2001. 622 с. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/ocherki-hristianskoj-etiki/2_4 (дата обращения: 10.04.2022).

Симеон Полоцкий. Вирши / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и комм. В. К. Былинина, Л. У. Звонаревой. Минск, 1990. 448 с.

Феофан Затворник. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия : краткие поучения – Изд. 4-е. – Москва : Правило веры, 2009. 398 с. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/mysli-na-kazhdyy-den-goda-po-tserkovnym-chtenijam-iz-slova-bozhija/299 (дата обращения: 16.04.2022).

Korelina A. D. Motifs of vision and blindness in the works of Simeon Polotsky.

Abstract. The motives of vision and blindness have been developed throughout the existence of Christian literature. The variety of possibilities of metaphorical representation of the motive allows the authors of sermons to pay attention to those problems and ideas that are relevant for their eras. Simeon Polotsky, relying on the Biblical tradition of understanding blindness, on the works of the Holy Fathers and European theologians, introduces meanings important for Modern history. This is the solution of anthropological problems, educational ideas, and attention to human earthly life, to its social, everyday aspects.

Keywords: sight and blindness, Simeon Polotsky, baroque poetry, sermon, 17th century

Н. А. Лукьянов

(научн. руководитель Л. С. Соболева)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Смерть и воскресение в творчестве Симеона Полоцкого¹

Аннотация. В работе рассмотрена взаимосвязь феноменов смерти и воскресения в творчестве Симеона Полоцкого. Дается анализ образного воплощения раскрываемых проповедником явлений. Выявляются особенности подачи авторского понимания проблемы в виршовой поэзии и церковных проповедях. Для исследования задействованы тексты из сборников слов и поучений «Обед душевный» и «Вечеря душевная», а также из поэтических сборников «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион».

Ключевые слова: проповедь, поэзия, смерть, воскресение, Симеон Полоцкий.

Мифологема умирающего и воскресающего бога – один из основных компонентов религиозных представлений многих древних культур [Фрэзер 1980: 362 – 363, 402, 428 – 429], соответственно смерть и воскресение рассматривались в комплексе еще задолго до появления христианства. Но если в архаических культурах такая мифологема служила символом непрерывности природных циклов, вечно обновляющегося мира, то христианский миф толкует события конца страстной недели в подчеркнуто сотеариологическом ключе:

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22–28–01617 «Противостояние “кремешному миру” в творчестве проповедников конца XVII – начала XVIII века: авторская аксиология, механизмы воздействия»